

Юрий Верхолин

МЕЙВ.
ВЕДЬМЫ СОСЕДНЕГО ДОМА

Юрий Верхолин

Мейв. Ведьмы соседнего дома

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Мейв. Ведьмы соседнего дома / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Древнее пророчество не исчезает — оно ждет своего часа. Переезд в тихий Павловский Посад должен был стать для Алины и ее семьи началом спокойной жизни. Но иллюзия рушится, когда на пороге появляется Наргиз — приветливая соседка, одержимая пугающей целью. Ведьма решает не просто разрушить чужое счастье, а украсть его: стереть Алину из памяти мужа и сыновей, заняв место идеальной жены и матери. Когда Наргиз приводит свой план в действие, Алине приходится принять собственную, внезапно проснувшуюся колдовскую силу, чтобы вернуть похищенную семью. Однако амбиции ведьмы — лишь часть масштабной катастрофы. Внезапно над городом смыкается непроницаемый купол, отрезая жителей от остального мира, и локальный конфликт превращается в войну на выживание. Кто остановит магию, дремавшую больше пяти веков? И какую роль в этом сыграет Мейв — черный кот с изумрудными глазами, хранящий тайны ковена 1476 года?

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Пророчество семи ведьм	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мейв. Ведьмы соседнего дома

Часть I. Пророчество семи ведьм

Владимирские леса. Лето 1476 года.

В самую короткую ночь лета лес принадлежал ведьмам.

Обычные люди об этом не знали. Крестьяне из окрестных деревень старались не заходить в чащу после заката: они опасались волков, болотных огней и неприкаянных душ, не нашедших дороги на погост. Охотники обходили стороной старые дубравы, где даже в безветрие скрипели стволы, а путники предпочитали сделать крюк в несколько вёрст, лишь бы не ступать на заросшую тропу, что вела к небольшой поляне среди вековых елей. Тропа эта не значилась ни в одной грамоте, но в самую короткую ночь года кто-то неизменно приминал на ней траву.

Но семеро эту дорогу знали.

Раз в пять лет, в ночь летнего солнцестояния, они собирались здесь, чтобы заглянуть в будущее. Таков был древний закон их круга, и нарушить его не решилась бы ни одна. Каждая приносила для обряда всё необходимое, а в придачу рассказывала остальным одну историю — самое диковинное происшествие, случившееся с ней после предыдущей встречи. Этот обычай ведьмы любили едва ли не больше самих предсказаний. Пять лет — срок немалый: за него можно нажить врагов, потерять друзей, сменить дом, пережить бедствие или сотворить такое колдовство, которым непременно захочется похвастаться перед остальными. И хотя каждая считала себя достойной особого уважения, послушать чужие истории не отказывалась ни одна.

Первой на поляну пришла Старшая. Седовласая женщина в длинной тёмной накидке остановилась у древнего дуба и трижды ударила искривлённым посохом о землю. Под накопником вспыхнули три тусклые искры, разлетелись по траве и погасли, оставив после себя

запах горелой смолы. Лес ответил долгим шелестом: тысячи листьев разом качнулись, и над поляной прошла волна прохлады. Старшая медленно огляделась. Поляна осталась такой, какой она запомнила её пять лет назад: неровный круг из семи валунов, три плоских камня в центре и огромный дуб, наклонившийся над ними, как старик над очагом. Только трава стала гуще, а молодые побеги орешника успели подобраться к самому месту обряда, и у корней расплылась тёмная сырость. Женщина повела посохом по воздуху, и невидимая волна прокатилась от центра к опушке, пригибая траву. Орешник отступил, зашуршав, ветви деревьев поднялись, освобождая круглое пространство под небом, которое уже наливалось вечерней синевой.

— Порядок, — удовлетворённо произнесла Старшая.

Из-за ближайшей ели немедленно донеслось:

— У тебя всегда порядок. Даже комары, поди, кусают по очереди.

На поляну вышла Сухариха — высокая, костлявая, с острым подбородком и длинными пальцами. Она была настолько худа, что под дорожной накидкой казалась связкой сухих ветвей. С плеча у неё свисала полотняная сума, из которой доносилось подозрительное постукивание.

— А у тебя, вижу, язык не отсох, — ответила Старшая.

— Он у меня единственное, что не сохнет без разрешения.

Сухариха опустила суму на камень, обвела поляну взглядом и презрительно скривила губы.

— Пять лет прошло, а тут всё так же сыро. Мох, комары, гниль. Хоть бы раз выбрали место попрличнее.

Она щёлкнула пальцами, и мох вокруг её сапог пожелтел, съёжился и осыпался сухой крошкой. Из травы поднялись несколько возмущённых жуков и торопливо разбежались в стороны.

— Прекрати портить поляну, — велела Старшая.

— Я её улучшаю.

— В прошлый раз после твоих улучшений здесь три года ничего не росло.

— Зато комаров не было.

Следующей появилась Огневица. Её приближение ощутили раньше, чем увидели: воздух на поляне потеплел, потянуло дымком и свежее испечённым хлебом. Полная румяная женщина в тёмно-красном платке продиралась между деревьями, ворча на колючие ветви и на тяжёлую суму, которая цеплялась за каждый сук.

— Кто-нибудь собирается помочь порядочной женщине или вы тут совсем одичали?

— Порядочные женщины по ночам в лесу не собираются, — заметила Сухариха.

— Вот потому я и пришла к вам.

Огневица бросила суму в траву, расправила плечи и подула на озябшие пальцы. Между ладонями вспыхнул крошечный огонёк и тут же разросся в весело потрескивающий шар.

— Опять без нужды жжёшь, — проворчала Старшая.

— А что мне, мёрзнуть ради твоего спокойствия?

Шар вспорхнул с её ладоней, пролетел над поляной и завис под веткой дуба, заливая лица ведьм тёплым янтарным светом, в котором заплескались длинные тени.

Вскоре из чащи вышла Травница — невысокая женщина с внимательными глазами, увешанная узелками и плетёными корзинами. При каждом её шаге из поклажи доносились сухой шелест и звон крошечных бутылочек, а следом тянулись запахи мяты, полыни, чабреца и ещё десятка трав, которые не сразу и разберёшь. Сухариха немедленно сунула нос в ближайшую корзину.

— Полынь поздно собрана.

— Вовремя, — отозвалась Травница, не повернув головы.

— Лист слишком мягкий.

— Потому что свежий.

— А должен быть сухим.

— Он и будет сухим, когда понадобится.

— Если раньше не сгниёт, — не унималась Сухариха, запуская в корзину длинные пальцы.

Травница захлопнула крышку прямо перед её носом.

— Ещё раз сунешься в мои травы без спросу — до следующей встречи будешь чихать облаком цветочной пыльцы.

Огневица громко расхохоталась.

— Только не делай этого сейчас! Нам ещё зелье варить.

Пятой пришла Туманница, хотя слово «пришла» подходило ей мало. Она не столько вышла из леса, сколько проступила из полосы белёсого тумана, поднявшейся между стволами, — и это при том, что ночь стояла тёплая и сухая. Высокая женщина в серо-синей накидке двигалась неслышно, едва касаясь травы, а тонкая дымка, клубившаяся за её спиной, таяла по мере приближения к поляне.

— Опять эффектно явилась, — заметила Огневица. — Хоть бы раз пришла, как все нормальные ведьмы.

— Зачем? — спокойно ответила Туманница. — Тогда вы заметили бы меня раньше.

— И что с того?

— А я успела послушать, как вы ругаетесь.

Огневица открыла рот, но подходящей реплики так и не нашла.

Шестая почти выбежала из леса. Молодая ведьма, с длинной светло-русой косой и раскрасневшимися щеками, споткнулась о корень, но успела взмахнуть рукой, и капли росы под её ногами поднялись в воздух, удержав падение. Они повисли вокруг девушки серебристой россыпью, как бусины, нанизанные на невидимую нить.

— Простите! Я думала, опоздаю!

— Опоздать на обряд, который бывает раз в пять лет? — покачала головой Старшая. — Это ещё суметь надо.

— Я заблудилась.

— Ты же видела дорогу во сне, — заметила Туманница.

— Во сне она была короче.

Огневица снова расхохоталась, и даже Старшая позволила себе едва заметную улыбку.

Последней появилась Седьмая. Ни огней, ни тумана, ни рассыпающихся искр её приход не сопровождал. Женщина лет тридцати пяти, в тёмно-зелёной накидке, с небольшим узелком в руках, просто вышла из леса — и лишь внимательный наблюдатель заметил бы странность: ветви, которые должны были цепляться за её одежду, сами отодвигались в стороны, а примятая шагами высокая трава выпрямлялась следом.

— Все собрались, — произнесла Старшая.

Седьмая кивнула остальным и присела у дуба, чтобы поправить ремешок дорожной обуви. Один из корней, выступавших из земли, чуть приподнялся, подставляя ей удобную опору. Сухариха заметила это и фыркнула.

— И без земли ремешок завязать не можешь?

— Могу, — спокойно ответила Седьмая. — Но она сама предложила.

Огневица довольно захохотала.

— Вот за это я нашу лесную и люблю. Слова лишнего не скажет, зато дерево за неё ответит.

Седьмая лишь улыбнулась.

Пока ведьмы разбирали припасы, Старшая подошла к плоскому камню и положила на него посох. Ночной воздух пах хвоей, нагретой за день смолой и влажной землёй, а где-то в вышине над поляной тихо потрескивали ветви.

— Ну что ж, сёстры. Прежде чем открывать следующие пять лет, послушаем, как вы прожили предыдущие. Кто начнёт?

— Я! — немедленно заявила Сухариха.

— Никто и не сомневался, — пробормотала Травница.

Сухариха устроилась на валуне, расправила складки накидки и обвела присутствующих торжествующим взглядом. Огонёк под дубом качнулся, будто тоже подался вперёд послушать.

— Был у нас один вор. Ловкий, мерзавец. Два года по деревьям шастал, у вдов последнее вытаскивал, у зажиточных хозяев сундуки вскрывал. Добрался наконец и до моего дома.

— Неужели ты ему дверь открыла? — удивилась Молодая.

— Зачем? Сам открыл. Думал, я сплю. Вынес из чулана тяжёлый дубовый сундук и потащил через огород.

Она щёлкнула пальцами, и на траве возникло призрачное очертание сундука, чуть меньше настоящего. Оно подпрыгнуло и тяжело бухнулось на землю, примяв траву.

— А я в окошко смотрю. Пусть, думаю, порадует. Он до леса добрался, крышку откинул, а там вместо добра сухие колючки. Решил бросить сундук, да не тут-то было. Отойдёт на десять шагов — сундук опять перед ним. Побежит — тот впереди катится. В реку толкнул — сундук выплыл и за ним следом.

— А если бы утоп? — спросила Травница.

— Значит, воровал бы меньше.

Огневица прыснула и подалась вперёд, едва не опрокинув собственный шар.

— Дальше-то что?

— К утру вернулся, бедолага. Сундук на себе притащил. Ноги дрожат, волосы дыбом, глаза круглые. Поставил перед дверью и давай просить прощения. Даже обещал никогда больше чужого не трогать.

— И ты простила? — поинтересовалась Молодая.

— Конечно. Я добрая.

— А сундук?

— Так пустой был.

Поляна взорвалась хохотом. Огневица смеялась так громко, что огненный шар под дубом подпрыгивал в такт её дыханию, а с ближайшей ветки сорвалась и шумно улетела сонная птица.

— Погоди, — сквозь смех выговорила она. — Он всю ночь пустой сундук таскал?

— А ты бы ему настоящее добро доверила?

Даже суровая Старшая не удержалась от усмешки. Лишь Травница покачала головой.

— Всё-таки жестоко. Можно было просто напугать.

— Я его и напугала.

— Ты его измучила.

— Зато научила уважать чужое.

— Странно, что ты сама ещё не научилась, — заметила Травница, отодвигая свою корзину от длинных пальцев Сухарихи, которая опять потянулась к ней.

Огневица хлопнула себя по колену.

— Хорошо. Теперь моя очередь. Только у меня не вор какой-нибудь, а целая деревня едва без крыш не осталась.

Она вытянула руку, и огненный шар спустился ниже, развернувшись в широкую светящуюся спираль. Жар от него коснулся лиц, и хвойный воздух на миг запахло палёной травой.

— Лето позапрошрое помните? Жара такая стояла, что земля трескалась. И вот загорелся лес. Сначала вдали дым поднялся, потом огонь через сухие кусты пошёл. Люди бегают, воду вёдрами таскают, скотину выводят, бабы кричат. А пламя уже до крайних изб добралось.

Она свела ладони, и над ними возникло подобие маленького леса, составленного из красных язычков пламени. Онигнулись и тянулись вверх, потрескивая, и по лицам слушательниц побежали отсветы.

— Я решила огонь назад повернуть. Подняла руки, приказала ему отступить. А он, дрянь такая, обиделся. Разделился на пять потоков и к домам с разных сторон!

Язычки пламени разбежались по её ладони. Молодая ахнула.

— И что ты сделала?

— Сначала выругалась.

— Это мы представляем, — сухо заметила Сухариха.

— А потом поняла, что тушить его нельзя. Надо собрать.

Огневица подняла ладони выше. Пять огненных потоков сошлись, закружились и слились во вращающийся шар размером с яблоко.

— Весь пожар поднялся с земли. Деревья перестали гореть, крыши уцелели, а над лесом висит огромное огненное солнце. Крестьяне попадали на колени, молятся, лица руками закрывают. Я шар выше подняла и погасила.

Она сжала кулак, и огонёк исчез. На миг поляна стала темнее, и стало слышно, как шуршит трава.

— А потом спустилась к людям. Платье прожгла, бровь опалила, руки в саже. Думаю, хоть воды предложат. А они стоят на коленях, благодарят небесные силы за чудесное спасение.

Сухариха усмехнулась.

— А тебя?

— А меня староста спросил, чего это я среди ночи по деревне хожу да почему такая чумазая!

Огневица возмущённо развела руками, и шар под дубом, повинаясь ей, вспыхнул ярче.

— Я ему целую деревню спасла, а он мне: «Добрая женщина, ступай домой, нечего людей пугать!»

На этот раз смеялись все, кроме Старшей, которая дождалась, пока стихнет смех.

— Ты слишком много огня подняла, — заметила она. — Могла погубить и деревню, и себя.

— Зато не погубила.

— Однажды твоя самоуверенность обойдётся нам дорого.

Огневица недовольно отвернулась.

— Началось. Пять лет не виделись, а она уже воспитывает.

Травница, воспользовавшись паузой, принялась раскладывать на плоском камне сухие травы. Над камнем поплыл густой пряный дух мяты и чабреца.

— А я, между прочим, одну девицу спасла от весьма необычной свадьбы.

— От жениха? — уточнила Сухариха.

— От собственных поминок.

Молодая едва не уронила принесённую бутылочку.

— Как это?

Травница задумчиво размяла между пальцами веточку душицы и поднесла к носу.

— В одной деревне молодая невеста вдруг уснула и никак не просыпалась. Родные решили, что девушка умерла. Позвали знахарку, та посмотрела и тоже ничего не поняла. Уже собрались прощаться. А я как раз проходила через деревню, слышу — плачут.

— И полезла помогать, — догадалась Огневица.

— А что мне было делать?

— Пройти мимо, — предложила Сухариха.

Травница пропустила это замечание мимо ушей.

— Подошла к девушке. Дыхание тихое, едва заметное, сердце бьётся. А от волос пахнет дурманной травой. Я сразу поняла: не болезнь. Колдовство.

Она достала из сумы маленькую засушенную веточку и поднесла к свету огненного шара.

— Приложила траву к ладони, произнесла слово пробуждения. Девушка открыла глаза, села и заявила: «Есть хочу!»

Огневица всплеснула руками.

— Вот радость-то у родни!

— Сначала радость. Потом выяснилось, что замуж она вовсе не хотела. Жених ей был противен. Она нашла старое заклинание и решила уснуть на несколько дней, чтобы свадьбу отменили. Только ошиблась с приготовлением.

— Умная девка, — одобительно заметила Сухариха.

— Глупая, — возразила Травница. — Ещё немного — и не проснулась бы вовсе.

— А свадьба? — спросила Молодая.

— Не состоялась. Когда девушка рассказала, почему всё устроила, жених собрал подарки и уехал. А её отец потом целый месяц искал того, кто научил дочь колдовать.

— Нашёл?

— К счастью, нет.

Травница улыбнулась, но Сухариха уже снова тянулась к разложенным на камне растениям.

— А это что у тебя? Полынь? Поздняя какая-то.

— Руки убрала!

— Я только смотрю.

— Ты уже полкорзины перетрогала!

— Между прочим, если сырьё плохое, котёл его не примет.

— Котёл разберётся лучше тебя.

— В прошлый раз он чуть не лопнул из-за твоих корней!

— В прошлый раз ты сама подсыпала туда сушёную плесень!

— Это был редкий порошок!

Старшая с силой стукнула посохом о камень.

— Довольно!

Гул разнёсся над поляной, и огненный шар под дубом на мгновение потускнел, будто прислушиваясь.

— Мы собрались не ради ваших ссор.

— А зачем тогда ещё? — шепнула Огневица Молодой, и та едва удержалась от смеха.

Старшая указала посохом на Туманницу.

— Твоя очередь. За пять лет ты, надеюсь, не только по лесам туман развешивала.

— Пришлось однажды, — ответила Туманница, поправляя серо-синюю накидку. — Иначе сегодня меня бы здесь не было.

Она говорила негромко, но остальные сразу притихли, и даже Огневица прикусила готовую сорваться шутку.

— Это случилось несколько лет назад, близ Оки. Я шла к переправе, когда заметила татарских всадников. Вооружённый отряд двигался по дороге. Я попыталась обойти его стороной, но меня увидели.

Молодая перестала улыбаться.

— И погнались?

— Шестеро. Лошади быстрые, дорога открытая. До леса далеко, а я пешком. Пришлось уйти в овраг. Но один из всадников заметил, куда я свернула.

Туманница медленно подняла руку. Из воздуха перед ней возникла белёсая полоска тумана и растянулась над травой, неся с собой запах речной сырости.

— Я пустила туман им навстречу. Сначала тонкий, потом такой густой, что не видно было вытянутой руки. Всадники остановились, начали перекрикиваться. А я создала среди тумана несколько движущихся силуэтов.

В белёсой полосе проступили три женские фигуры. Они бросились в разные стороны, едва касаясь травы.

— Погоня разделилась. Трое поскакали за одним силуэтом, остальные — за другим. А я уже уходила к лесу.

— Легко отделалась, — заметила Сухариха.

— Не совсем. Один всадник не поверил туману. Услышал мои шаги, нагнал и схватил за плащ.

Туманная фигура перед ведьмами вдруг остановилась. Из серой дымки появилась рука и вцепилась в край накидки.

— Я успела оставить ему то, за что он держался.

Туманница щёлкнула пальцами. Призрачный плащ свернулся, вытянулся и превратился в мокрую ветку.

— Когда он разглядел свою добычу, меня уже не было.

— И что он сделал? — спросила Молодая.

— Судя по крику, очень удивился.

Огневица снова рассмеялась, но Туманница оставалась серьёзной.

— Они могли догадаться, что столкнулись с колдовством. Пришлось уходить далеко, не возвращаясь к прежнему жилью. Поэтому я и говорю: иногда лучше исчезнуть, чем показывать силу.

Седьмая понимающе кивнула.

— Лес умеет прятать тех, кто не стремится быть замеченным.

— А иногда скрывает тех, кого лучше бы нашли, — пробормотала Сухариха.

Молодая, всё это время слушавшая с широко раскрытыми глазами, вдруг нетерпеливо вскинула руку.

— А у меня тоже было приключение!

— Слушаем, — разрешила Старшая.

— Мне три ночи подряд снился мост. Деревянный, старый, через широкую реку. По нему ехала свадебная процессия. Лошади, повозки, жених с невестой. И каждый раз, когда они добирались до середины, мост обрушивался.

— Пророческий сон, — заметила Туманница.

— Я тоже так подумала. Пошла предупреждать людей. Нашла деревню, мост, даже жениха увидела. А мне никто не поверил. Сказали, что девица слишком много спит и всякое ей мерещится.

— Это тебе правильно сказали, — хмыкнула Сухариха.

Молодая обиженно поджала губы, но тут же продолжила, ещё быстрее прежнего:

— В день свадьбы я пришла к мосту раньше процессии. Осмотрела опоры и увидела, что некоторые брёвна давно подгнили. Попыталась ещё раз предупредить людей, но меня прогнали.

— И что ты сделала? — спросила Огневица.

— Когда повозки приблизились, я встала у воды и заставила отражения двигаться быстрее настоящих людей.

Она опустила ладонь над влажной травой. Капли росы собрались в небольшую лужицу, на глади которой возникло зыбкое отражение леса.

— Они увидели в реке собственные повозки, падающие вниз. Женщины закричали, лошади остановились. Жених велел всем отступать. И едва они отошли от моста, он рухнул.

Она резко развела пальцы, и водяное отражение рассыпалось серебристыми брызгами.

— Спасла свадьбу, — одобрительно заметила Травница.

— Не совсем. Люди решили, что это я разрушила мост. Пришлось убежать. За мной даже собаку пустили.

— Так тебе и надо, — заключила Сухариха. — Нечего людей спасать без спроса.

Но Молодая не улыбнулась. Она провела пальцем по влажной траве, не глядя на остальных.

— После того случая мне начали сниться другие дороги. Странные. Гладкие, чёрные. По ним мчатся железные повозки без лошадей. А вокруг высокие дома с горящими окнами, хотя никаких свечей в них не видно.

— Переела дурманных трав, — предположила Огневица.

— Я серьёзно!

— Вот это и страшно.

Старшая задумчиво посмотрела на Молодую.

— Запомни эти сны. Иногда будущее открывается не только в котле.

— Вы думаете, я действительно видела что-то настоящее?

— Возможно. Но не всякое видение следует понимать буквально.

— А вы сами что-нибудь необычное пережили? — спросила Молодая.

Старшая провела ладонью по набалдашнику посоха.

— Был у меня один гость. Богатый, важный. Прибыл с вооружёнными людьми, назвался княжеским посланником и потребовал предсказать исход земельного спора.

— Потребовал? — переспросила Огневица. — Я бы ему быстро объяснила, как следует разговаривать.

— Потому ты и не Старшая.

Огневица недовольно засопела.

— Он хотел услышать, что получит спорные земли, — продолжила Старшая. — А когда я отказалась, пригрозил обвинить меня в колдовстве. Пришлось согласиться на гадание.

Она постучала ногтем по гладкому наверху посоха.

— Я попросила его посмотреть в чашу с водой. Он увидел собственный обоз, стоящий на лесной дороге, и своих спутников, которые делили его имущество. Сначала рассмеялся. Потом заметил, что один из охранников слишком побледнел.

— Предатель? — догадалась Травница.

— Именно. Человек собирался тайно забрать деньги господина, когда они остановятся на ночлег. Видение показало посланнику то, чего он не желал замечать.

— И что же посланник? — спросила Молодая.

— Забыл о землях, схватил охранника за ворот и стал требовать объяснений. Пока они разбирались, я ушла.

— Так вы ему будущее показали или мысли прочитали? — заинтересовалась Туманница.

Старшая улыбнулась уголком рта.

— Для хорошей ведьмы полезно, когда человек сам не понимает разницы.

Сухариха недовольно покачала головой.

— Ты могла заставить его заплатить.

— Могла.

— И не заставила?

— Нет.

— Тогда рассказ совершенно бесполезный.

— Не всё в мире измеряется деньгами, — ответила Старшая.

— Так обычно говорят те, у кого деньги уже есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.